

УДК 114/115:008

Мирошников О.А.

Пространственно-временные рамки революции

Мирошников Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Ялта

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-1385-0958>

E-mail: oleg-a-miroshnikov@j-spacetime.com; mirtannen@gmail.com

В статье рассматривается место революции в историческом времени и пространстве. Сделан вывод, что революцию нельзя рассматривать как тип перехода от одной формации к другой, более высокой; самый разрыв с социализмом должен рассматриваться как продолжение революции, начавшейся задолго до этого разрыва (равно как и разрыв с капитализмом). Кроме того, дана типология революций, определен французский тип революции в качестве основного. Показана генетическая связь французского типа революции с социальными процессами, происходившими в городах средневековой Европы.

Ключевые слова: формация; модернизация; французский тип революции; латиноамериканский тип революции; англосаксонский тип революции.

Виды социальных изменений делят обычно на эволюционные и революционные. При этом термин «эволюция» употребляется в двух значениях:

- 1) сумма количественных изменений, которые подготавливают изменения качественные;
- 2) синоним понятия «развитие», в которое включаются как количественные, так и качественные, то есть скачкообразные, революционные изменения.

Не всякий *скачок*, который характеризует качественные изменения, может считаться полномасштабной *социальной революцией*. Под последней нужно, видимо, понимать скачок или серию скачков, которые в итоге приводят к смене старого общественного строя новым. Социальная революция как закономерный переход от одной системы свободы к другой может осуществляться в разных формах: относительно мирных или насильственных. Форма перехода зависит от многих конкретно-исторических обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Большинство исследователей полагает, что революция выступает как взаимодействие двух субъектов: меньшинства и большинства (А. Тойнби), государства и народа (П. Сорокин), революционеров и реформаторов (Р. Такер), власти и диссидентов (Р. Гарр). Что касается общих моментов в революционном процессе, то здесь еще остается достаточно много вопросов, требующих своего решения. И многое определяется трудностью локализации революции в рамках формационной либо цивилизационной концепции.

Проблема пространственно-временных рамок революции естественным образом распадается на две проблемы, обычно связываемые одна с другой, хотя и имеющие достаточно самостоятельный характер для того, чтобы решение одной из них не влекло за собой автоматически решения другой. Это – проблема пространства, в котором разворачивается революция, и проблема времени, в течение которого происходит революционный процесс.

Решение той и другой проблемы затрудняет не революционное наследие, а наследие прежнего видения революции, прежнего подхода к ней. Далее мы рассмотрим имеющиеся подходы к революции. Они многообразны, но предварительно следует отметить, что тенденция к отождествлению революции с революционным переворотом в большей или меньшей степени преобладает.

По-видимому, это преобладание является, в общем и целом, естественным. В самом деле, поскольку философия и наука представляют собой разные формы общественного сознания, то и подход их к объекту не может не иметь, иногда даже весьма значительных, отличий. Однако всему есть предел. То обстоятельство, что психология трактует сознание не так, как философия, не превращает ведь сознание в видении психолога в материю.

И если, когда идет речь о революции, позиция философа и позиция представителя социально-гуманитарного знания могут совпадать не во всем, то, как представляется, эти позиции будут более близкими в оценке общественного развития как такого, которое имеет цивилизационный характер. Поэтому мы начнем именно с разговора о цивилизациях, чтобы затем, опираясь на особенности развития разных регионов планеты Земля, вернуться к проблеме революции.

Сказать, что в этом отношении позиции философа и ученого совпадают, было бы серьезным допущением. Среди тех, кто говорит о цивилизациях или употребляет аналогичные понятия, есть и философы, и культурологи, и историки, и экономисты. И даже там, где трудно говорить о четко выраженной позиции философа или представителя конкретной науки, перевешивает у одного философский, у другого научный подход. Если О. Шпенглер – философ, то А.Дж. Тойнби все же в большей степени историк.

Как известно, цивилизационные очаги имеют единую этапность и направленность своего развития – чередование сходных процессов наблюдается в юго-восточном регионе (долина Инда, Китай), и околосредиземноморском регионе, переходя с юга (Египет, Месопотамия, Вавилон) на север (Греция, Рим). Однако нетрудно заметить, что скорость протекания тех или иных культурно-социальных процессов, определяющая уровень развития отдельно взятой цивилизации, в каждом случае зависит от множества факторов – начиная с климата, рельефа специфики флоры и фауны и заканчивая уровнем развития соседей, а также характером отношений с ними. Поэтому временная шкала не является основным признаком, характеризующим степень «цивилизованности» того или иного народа¹.

Именно западный колониализм спровоцировал внутреннюю трансформацию обществ Востока².

Однако несмотря на то, что встреча Старого и Нового Света была обусловлена всем предшествовавшим развитием тогдашнего человечества, классические индейские общества с самого начала были обречены стать жертвой такого развития событий. Трагедия, происшедшая на протяжении последующих веков с ацтеками, майя, инками, муисками и другими жертвами европейской колониальной экспансии, к сожалению, была совершенно закономерной, поскольку уже первые последствия появления испанцев в Америке показали глобальную неконкурентоспособность классических индейских цивилизаций перед лицом позднефеодальной Европы³.

Можно почти полностью согласиться с С. Хантингтоном, который определяет революцию как результат кризиса модернизации⁴. Действительно, модернизация, идущая как вестернизация, модернизация «из Европы» неизменно сопровождается, начиная с определенного, кризисного этапа, революцией. Однако пример Японии, в которой европейский тип модернизации не смог в полной мере возобладать над региональным, возникшим ранее проникновения в страну европейцев, говорит о том, что возможен и другой путь...

Лишь в теории модернизация может начаться на пустом месте. На практике же каждый социум начинает движение к современности с разных исходных позиций, т.е. с того конкретного места, на котором именно он пришел в ходе многовекового исторического развития. В результате модернизация происходит относительно легко или же с определенными трудностями, большими или меньшими⁵.

В основу своего представления об историческом развитии Ф. Бродель кладет представление о «мир-экономиках», определяя последний с помощью трех основных признаков:

Во-первых, мир-экономика должен занимать определенное географическое пространство и иметь границы, впрочем, не постоянные, а изменяющиеся. Время от времени, через длительные промежутки, происходят неизбежные прорывы этих границ.

«Так случилось в результате Великих географических открытий конца XV века. То же произошло и в 1689 году, когда Россия, по воле Петра Великого, открыла свои пространства для европейской экономики»⁶.

¹ Ершова Г.Г. Древняя Америка. Полет во времени и пространстве. М.: Алетея, 2007. С. 42.

² Павленко Ю. История мировой цивилизации. К.: Либідь, 2001. С. 334.

³ Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. Брянск, 1998. С. 87.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 42.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 85–86.

Французский историк в целом достаточно прозорливо писал в 1960-х гг. о прорыве границ западного мир-экономики, если произойдет изменение экономической системы в России и Китае.

Во-вторых, мир-экономика непременно должен иметь центр, в качестве которого выступает город, столица, но не столица государства, а «экономическая столица». Поясняя свою мысль, Бродель говорит, что столицей Соединенных Штатов является Вашингтон, но экономической столицей соответствующего мир-экономики следует считать Нью-Йорк. В течение довольно продолжительного времени тот или иной мир-экономика может иметь и два центра: в античную эпоху – Рим и Александрия, в средние века – Венеция и Генуя, в XVII в. – Лондон и Амстердам.

В-третьих, каждый из мир-экономик должен состоять из ряда концентрически расположенных зон. Область, расположенная вокруг центра, образует срединную зону. Вокруг нее располагаются промежуточные зоны.

«И, наконец, следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующем мир-экономику, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. В таких периферийных зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад. Достаточным же условием для этого является просто их географическое положение»¹.

Особо говорит французский историк о супергородах, которые выступают в качестве центров мир-экономик. В них сильно, более чем на периферии, социальное расслоение. Чем дальше существует тот или иной супергород, тем сильнее в нем поляризация, тем значительнее разрыв между верхушкой и низами общества. Основу такого все увеличивающегося разрыва Бродель видит в инфляции, которая «проистекала из самой природы высших функций города, предназначение которых – господствовать над прилегающими к городу экономиками. Экономическая жизнь сама собой стягивалась, стекалась к городским высоким ценам. Но, будучи захвачены таким давлением, город и экономика, завершением которой он был, рисковали обжечься. В иные моменты дороговизна жизни в Лондоне или в Амстердаме превышала пределы терпимого»².

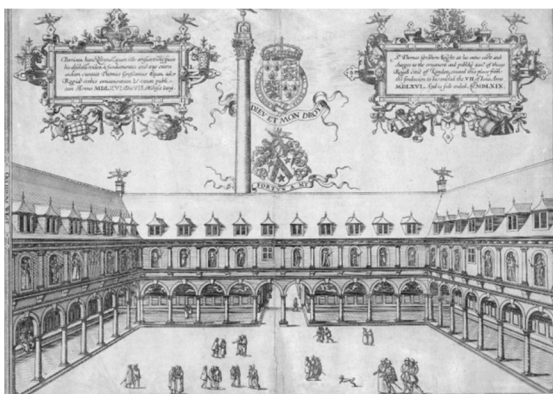
Таким образом, на определенном этапе разные социальные группы с неизбежностью должны предпринять попытку радикальным образом изменить данные общественные отношения. И произойти данная попытка должна именно в тех центрах, которые французский историк называет супергородами.

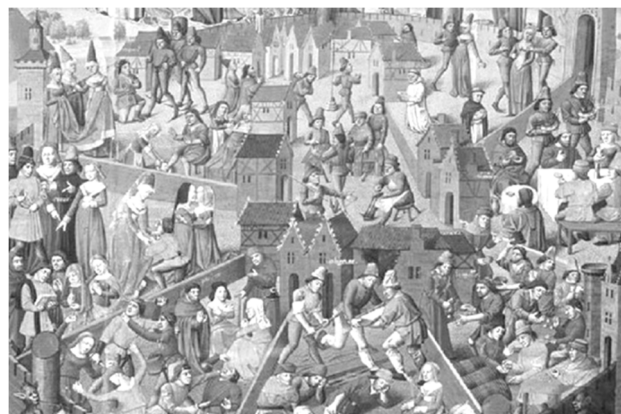
Генуэзские банкиры.
Миниатюра рукописи конца XIV в.

Амстердамская биржа. Гравюра XVII в.

Лондонская биржа. Гравюра XVI в.

Град земной. Фрагмент миниатюры конца XV в.

¹ Там же. С. 86–87.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 23.

*Рынок Ковентт-Гарден в Лондоне.
Художник Дж. Шарф. 1825*

*Павильон рынка Les Halles в Париже.
Гравюра второй половины XIX в.*

Но идеалы разных социальных групп, входящих в состав низов общества, по-разному связаны с формами собственности, а также с системой налогов, пошлин и пр. Так, беднейшее крестьянство и часть середняков, не ориентировавшаяся на рынок, видели свой социальный идеал в общественной собственности на землю, прогрессивно-подоходном налоге, распределении земли и сельскохозяйственного инвентаря по едокам, в общественном труде.

Рабочий класс выступал за обобществление средств производства, отмену внутренних пошлин на сельскохозяйственную продукцию и предметы широкого потребления (и в то же время – за высокие пошлины на предметы роскоши), прогрессивно-подоходный налог, сдельную оплату труда, государственную монополию как на внешнюю, так и на внутреннюю торговлю, социальные программы, «перекачку» капиталов из других отраслей хозяйства в промышленность.

Мелкая буржуазия города отстаивала уравнивание мелкой собственности, монополию внешней торговли при относительной свободе торговли внутренней, высокие пошлины на предметы роскоши, беспошлинную торговлю предметами широкого потребления и продуктами сельского хозяйства, прогрессивно-подоходный налог и «перекачку» капиталов в легкую промышленность из других отраслей.

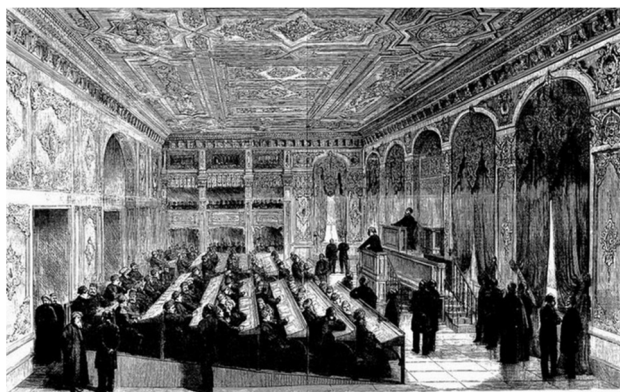
Вопрос относительно того, станет ли идеал той или иной группы выбором для общества в целом, решается в результате взаимодействия данной группы с другими группами: как путем компромисса с последними, так и путем побед над ними в открытой борьбе. Побеждает же идеал той или иной из «городских» социальных групп.

Что касается собственно политической модернизации, то ее содержанием является вовлечение в данный процесс групп населения, стоявших до того вне общественной жизни, через их усиленную политизацию. В результате те группы и слои, которые традиционно считались невосприимчивыми к политике, начинают воспринимать политику как свое кровное дело, постепенно приходя к пониманию того, что они могут и обязаны более или менее постоянно участвовать в принятии политических решений или каким-либо другим путем воздействовать на этот процесс.

Наиболее благоприятна для революций почва в тех обществах, которые уже вступили на путь модернизации, но еще не осуществили ее. Эти общества достигли определенной степени социально-экономической зрелости и, как следствие этого, определенного роста политического развития широких социальных слоев, но в то же время процессы политической модернизации отстают в них от экономических и социальных изменений. Революция в таких случаях призвана ликвидировать разрыв между растущим уровнем политического сознания широких слоев общества и отстающим от него уровнем политической модернизации. Революция, таким образом, есть не что иное, как быстрая, решительная и насильственная ликвидация разрыва.

Политическая модернизация означает демократизацию. Процесс политической модернизации, в свою очередь, стимулирует создание новых политических институтов, приспособленных к новым условиям и к росту участия в политической жизни социальных групп. Эти политические институты становятся в руках политической элиты важным оружием, содействующим экономическим и социальным изменениям.

Связь революции с модернизацией несомненна. Что касается самого процесса модернизации, то, по мнению К. Витфогеля, он протекает успешно только в цивилизациях, основанных на частной собственности. В то время как феодальные общества Западной Европы содержали в себе возможности развития в направлении капитализма, «азиатские» бюрократические общества были абсолютно не приспособлены для прогрессивного развития. В результате новые политические структуры, созданные в

*Заседание первого турецкого парламента.
1877 г.*

*Конституционная революция в Иране 1905–1911 гг.
Шах Музаффар ад-дин (слева, сидит в кресле) на открытии
первой сессии парламента. Фото 1906 г.*

бывших восточных деспотических империях в действительности стали повторением традиционных восточных бюрократических режимов, в которых тенденции абсолютной власти и проведения террора сохранились и в настоящее время¹.

Итак, по мере запаздывания процесса модернизации в борьбу за ее проведение вступают все более радикальные силы, партии в основном левой ориентации, непременными элементами программы которых является активное вмешательство государства в экономику и широкие социальные мероприятия. Диктат государства в отношении экономики не означает еще диктатуры как политического режима, но целый ряд диктатур двадцатого века смог возникнуть именно на этой волне. Широкие социальные программы не имеют непременным условием своего претворения в жизнь экспроприацию частной собственности; в развитых странах источником их финансирования могут служить, например, высокие прогрессивные налоги, но чем беднее страна, чем выше в обществе процент обездоленных, тем больше вероятность того, что путь экспроприации станет главным для решения социальных проблем. И социальные программы, и вмешательство государства в экономику напрямую связаны с запаздыванием модернизации. Частное предпринимательство в странах второго и третьего эшелона не может дать для этой модернизации средств. В этих условиях рост частного капитала в гораздо большей степени создает лишние рабочие руки, чем новые рабочие места. обездоленным (хотя бы для того, чтобы разрядить обстановку, избежать социального взрыва), во-вторых, дать им работу. На первый взгляд, предоставление рабочих мест «лишним» людям разом решает обе проблемы. В действительности же дело обстоит гораздо сложнее.

При переходе от традиционного общества к индустриальному каждая из социальных групп оказывается в положении маргиналов. Сама же приверженность страны к тому или иному пути развития зависит, во-первых, от ее исторической традиции, во-вторых, от того идеала, который в данной стране утвердился и который также, в определенной мере, зависит от существующей традиции.

Наряду с делением человеческой истории на цивилизации и мир-экономики, определенный смысл, на наш взгляд, имеет определение развития человечества как перехода от одной системы свободы к другой. В некоторых наших работах мы говорим о девяти системах свободы. Здесь уместно будет сказать об одной из них – христианской системе свободы, – которая позволяет делать определенные выводы и относительно модернизации, и относительно революции.

Право на восстание против несправедливого либо нечестивого царя было первоначально феноменом христианской системы свободы. Это право было унаследовано христианством еще от религии древних евреев. Именно в Ветхом Завете можно встретить описание активного протеста народа и против несправедливости Ровоама, и против нечестия Ахава и Иезавели. Но, возникая на линиях убегания, она испытала воздействие и других систем.

Возникнув как движение демократических слоев в Иудее, христианство, по мере своего распространения на запад, становится знаменем не только демократической, но и аристократической оппозиции императорской власти, пока наконец и последняя в лице Константина не поступила по принципу «не можешь победить – присоединяйся». Но на этом весьма длительный процесс становления христианской свободы не закончился, продолжаясь и в течение средних веков.

Ницше определяет христианство как «восстание рабов в морали», сопротивление низов, которое

¹ Wittvogel K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957, p. 282.

вдруг само «становится творческим и порождает ценности». Однако это, продолжает он, сопротивление «таких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью»¹.

В основе христианской системы свободы – договор между Богом и человеком. Перед этим договором все равны: государь и ничтожнейший из его подданных; в случае нарушения договора монархом (вероотступничества монарха) подданные освобождались от обязанностей по отношению к последнему. Ветхий завет не только недвусмысленно утверждает это, но и дает достаточно соответствующих примеров из истории еврейского народа (борьба пророков против царей и т.п.). В средние века данное положение не раз вспоминали папы, применяя его в борьбе с германскими императорами и королями других европейских государств (интердикт).

Пророк Илия обличает царя Ахава. Новгородская икона. XV в.

Пророк Нафан обличает царя Давида. Художник А. Кауфман. 1797

Георгие IV в Каноссе умоляет аббата Клуни и маркграфиню Матильду о заступничестве перед папой. Миниатюра XII в.

Но если изменение облика планеты и бурный рост производительных сил действительно не имеют аналогов, то изменения, происходившие в этот период прежде всего, переход человечества от первобытного состояния к цивилизации, а также возникновение мировых религий. Последнее явилось переворотом в сфере духовной, но затронуло все сферы общественной жизни. Позднейший переход к индустриальным обществам был бы невозможен без этого переворота. Можно говорить о разных моментах, определивших влияние переворота VI в. до н.э. – VII в. н.э. (от возникновения буддизма до зарождения ислама), но отметим здесь тот момент, на который обычно не обращают внимания. Где бы ни зародился позднее росток индустриального общества, ему очень трудно было бы стать мировым явлением, если бы не мировые религии. Дело в том, что и христианство, и ислам, и буддизм имеют собственные ареалы распространения, каждый из которых объединяет духовно (и не только духовно) целый ряд стран и народов. Любое сколько-нибудь значительное локальное (в пределах отдельного народа или одной страны) явление получает, так или иначе, отображение во всем ареале. Реакция на него не всегда будет положительной, нередко отрицательной (вроде крестовых походов против «еретиков», предпринимаемых силами нескольких государств), но в той или иной степени, в той или иной форме это явление будет воспринято и окажет влияние на жизнь всего ареала.

Но нельзя упускать из вида другой момент. Не будем рассуждать о том, мог ли «росток капитализма» первоначально возникнуть в ареале распространения ислама или буддизма, но ведь мировые религии не только объединяют, но и разъединяют народы. Понятно, что все христианское, уже в силу того, что оно возникло не в своем, близком и понятном, а в ином мире, будет встречено настороженно, если не враждебно, в ареале распространения буддизма и ислама. Но ведь и само христианство (как, впрочем, и ислам, и буддизм) неоднородно, враждебность друг к другу различных ветвей христианства нередко превосходило по своей силе, накалу страстей, ожесточенности борьбы изначальную вражду исламу (о буддизме христиане Европы долгое время вообще не имели представления). Бесчисленные религиозные войны наилучшее тому подтверждение. Поэтому возникающий в протестантских странах (Нидерландах, Англии) капитализм в других христианских странах получал изначальную враждебную оценку как протестантский капитализм, а в странах Востока – как христианский капитализм. Модернизация в Новое время не могла пойти поэтому по проторенной голландцами и англосаксами дорожке, оно неизбежно должно было искать и находить свой собственный путь.

¹ Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемиическое сочинение // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 422–424.

Промышленное развитие в Новое время не всегда и не везде опиралось на частный капитал. Последнее было связано не только с тем, что в ряде стран, вступивших на путь индустриализации, частной собственности не было. Там, где частная собственность присутствовала, капитал мог быть иностранного происхождения или «свои» обладатели капитала неохотно вкладывали его в производство, считая более выгодной торговлю, финансовые операции и пр. Могли быть и иные обстоятельства, но результатом всего было непосредственное вмешательство государства в промышленность – вплоть до полного ее огосударствления.

Раньше или позже страна оказывалась перед необходимостью осуществления модернизации. В конечном счете, эта экономическая необходимость прокладывала себе дорогу через все препятствия. Но пути экономического развития были различными, как и препятствия, встречаемые этим развитием, различались по своему характеру. На последний, а также на темпы модернизации влияют, в первую очередь, имеющиеся в обществе традиции, определяющиеся религией или особенностями исторического развития данного общества.

Прежде всего, это были трудности собственно экономического характера. Чтобы промышленное производство успешно развивалось, оно должно было находить быстрый и выгодный сбыт своей продукции. Потребителей должно быть значительно больше, чем производителей. Но где же взять требуемое количество потребителей, которое могло бы обеспечить стабильное преобладание спроса над предложением? Уже семнадцатый век знает конкурентную борьбу двух первых капиталистических держав – Англии и Голландии. Вопрос о первенстве на мировом рынке тогда был решен в пользу Англии силой оружия. Необходимость единства двух протестантских и капиталистических стран перед лицом католической и феодальной Европы отошла тогда на второй план: столь остро встал тогда для англичан и голландцев вопрос о рынках сбыта. По мере роста промышленного производства и увеличения числа индустриальных держав вопрос этот становится все более острым, особенно если учесть, что ряд стран, традиционно являвшихся потребителями, со временем переходил в разряд производителей. Но если этот вопрос для многих стран находил все же положительное решение, то главным образом благодаря более или менее активному вмешательству государства в экономику.

Власть в государствах, встающих перед необходимостью развивать у себя промышленность, находилась в руках феодалов, бюрократии, военных. Они делили между собой большую часть национального дохода и отдать столь приятную функцию в руки предпринимателей, традиционно презираемых и обираемых, значило для них то же, что «взять хлеб у детей и бросить его псам» (Мк. 7: 27). Казалось бы, разговор с прежними эксплуататорскими классами всегда и везде должен быть коротким: буржуазный переворот и, как результат, провозглашение свободной предпринимательской деятельности. Однако на практике такой путь не был единственным.

Доки голландской Ост-Индской компании. Фрагмент гравюры начала XIX в.

Фасад английской Ост-Индской компании. Гравюра начала XIX в.

Финальное морское сражение Первой Англо-Голландской войны (битва у Терхейде 10 августа 1653 г.) на гравюре В. ван де Вельдестаршего (фрагмент). 1657

Пробуждение третьего сословия. Политическая карикатура конца XVIII в.

Здесь также государство нередко вмешивалось, стараясь примирить интересы капиталистических «волков» и феодальных «овец».

В сфере политической к проблеме сохранения преимуществ господствующих классов, в руках которых зачастую находилась и государственная власть прибавлялась проблема сохранения независимости своего государства и, по возможности, экспансия вовне.

С одной стороны, иностранный капитал, как правило, оказывает свое влияние на политику страны, поворачивающей на путь индустриализации: он предоставлял займы правительству на определенных условиях, поддерживал те партии, политика которых отвечала его интересам, наконец, осуществлял прямой подкуп, оптом и в розницу скупая государственных функционеров сверху донизу. Экономически уже завися, в той или иной форме, от иностранного капитала, страна оказывалась перед прямой угрозой потери политической независимости. Если государство оказывалось неспособным положить предел этому процессу, то либо страна становится колонией или полуколонией, либо к власти приходит иная политическая сила и модернизация также получает иной характер.

Путь внешней военной экспансии представляется в этих условиях почти неизбежным. Однако, помимо больших человеческих жертв, этот путь чреват также особо жесткими формами вмешательства государства в экономику. Последняя в этих условиях постепенно утрачивает элементы свободного развития, становясь зависимой от государственных заказов, государственного диктата. Сама же власть принимает форму диктатуры, опирающейся на военно-феодалы, а не на предпринимательские слои населения, что впоследствии приводит к военному краху (в Германии в 1918 г., в Японии в 1945 г.).

Духовная сфера – культура, идеология – также создает немалые проблемы. Мы уже касались религиозных различий. Но культурные различия даже соседних народов, исповедующих одну и ту же религию, служат серьезным препятствием проникновения капиталистических отношений. Например, Испания весьма враждебно встретила в начале девятнадцатого века проникновение капиталистических отношений из Франции, которые не смогли удержаться даже на наполеоновских штыках. Господство капитала стандартизирует культуру, уничтожая целый ряд ее этнически неповторимых черт. Это воспринимается как культурное вырождение – бедствие, перед которым отступают на второй план и пауперизация народных масс, и разорение «дворянских гнезд». Действительно, опыт исторического развития показывает, что снижение жизненного уровня большей части населения как неизбежный первоначальный результат проникновения капиталистических отношений сменяется в дальнейшем подъемом. Культурные же утраты необратимы. Протест против культурной экспансии сливается с борьбой за экономическую и политическую независимость.

Религиозную этику кальвинизма Вебер называл мирским аскетизмом. Результатом этого аскетизма было образование капитала путем принудительной аскетической бережливости.

В традиционных обществах правящие классы большинства стран смотрели на производительный труд как на занятие унизительное, рассматривали бережливость как порок, представления же их о честности значительно отличались от позднейших буржуазных. Впрочем, представление феодала о честности, входящей как составная часть в понятие «честь», было довольно высоким, по крайней мере, в отношении тех, кого он считал равными себе. Зарождающиеся же капиталистические отношения портят рыцаря, он превращается в кондотьера, морально деградирует.

Создание экономики индустриального общества было связано для правящих классов с изменением привычного образа жизни и системы ценностей. Жертвы – и немалые – требовались и с их стороны. Но это ведь были правящие классы, которые определяли политику государства, подчиняя ее собственным выгодам. И если в результате такого подчинения политика страны становилась близорукой, не соответствующей ее интересам, противоречащей интересам народа, то объяснять ее следует не случайными ошибками отдельных лиц, а привычным образом жизни и привычной системой ценностей правящих классов. Это касалось, впрочем, не только традиционных правящих классов. Новые социальные слои, занятые в сфере торговли и финансов, стремились обычно им подражать. В совокупности первые и вторые определяли роль своей страны на мировом рынке как главным образом потребителя. Богатство в процессе капитализации благодаря тем и другим уходило из страны, как вода сквозь пальцы. Протестантская же этика там, где она существовала, препятствовала этому процессу. Именно поведение правящих классов в первую очередь изменялось под влиянием протестантской этики.

Вышеотмеченные моменты во многом определяют сходство экономических задач в индустриальном обществе, которые приходится решать разным социальным группам (и, соответственно, разным политическим силам) на соответствующих этапах экономического развития. Но эти сходные проблемы разными политическими силами решаются, соответственно, разными, порою прямо противоположными, средствами.

Особенности разных религиозных систем определяют, помимо прочего, поливариантность про-

цесса модернизации, когда сходные в общем и целом экономические изменения в разных странах имеют разную «окраску».

Современные исследования показывают, что рост эксплуатации крестьянства не привел к застойному характеру японского сельского хозяйства, а, напротив, стимулировал развитие производительности труда на базе технических нововведений. За 150 лет урожайность риса повысилась более чем в три раза. Резкий рост производительности сельского хозяйства в эпоху Эдо, видимо, свидетельствует об определенном качественном изменении, развитии¹. Сходные процессы можно наблюдать и в Китае. Вплоть до XVII в. население страны несколько раз достигало численности в 60 млн. человек². Однако начиная с этого времени рост населения превосходит эту цифру – за счет роста производительности сельского хозяйства. Это можно рассматривать как модернизацию. Либо как начало модернизации, модернизации «с азиатским лицом». Подобные примеры, по всей вероятности, могут быть найдены и в истории других стран в тот же период.

Однако экспансия европейского варианта модернизации не могла не сказаться и здесь. В большинстве стран европейский проект модернизации победил. Как результат такой победы, на определенном этапе модернизации возникает другой процесс – революция. Проводниками последнего следует признать города, создаваемые по европейскому типу и, чаще всего, самими европейцами.

Многообразные подходы к революциям и связанным с них процессам весьма затрудняет их типологию. Нельзя полагать, что привязывание революции к формационной концепции проясняло эту проблему, но все же сторонники подобного подхода достигли определенных успехов, зачастую оставшихся не замеченными современниками.

Философы, по крайней мере, та их часть, которая наследует традиции Гегеля и Маркса, рассматривают революцию как скачок в развитии человечества. Мы с подобной точкой зрения не можем согласиться в полной мере. Но это, главным образом, из-за того, что подобная трактовка рассматривает революцию как прогрессивное явление. С нашей же точки зрения, революция не имеет непосредственного отношения к прогрессу, не есть необходимое условие прогресса на определенном этапе развития человечества, однако для большинства стран является неизбежной.

От исследователя общества меняющаяся ситуация требует переосмысления традиционных позиций относительно истоков и возможных результатов разворачивающихся на наших глазах процесса общественного развития. Если учесть то обстоятельство, что существует две основные концепции общественного развития, прогнозирование будущих результатов сегодняшних процессов становится весьма проблематичным. Достаточно сложно, учитывая революционный характер многих общественных процессов, локализовать их в рамках той или иной концепции. Каков может быть результат революционного процесса: гибель цивилизации, переход от одной формации к другой, более высокой либо нечто третье? Ответ на этот вопрос во многом определяется локализацией его в историческом пространстве и в историческом времени.

Современными исследователями установлена взаимосвязь главным образом между революциями и предшествующей историей европейских стран. В «неевропейских» цивилизациях, по видимости, не развиваются на собственных основаниях подобные предпосылки.

Однако накладывает ли свой отпечаток на революцию то историческое пространство и время, в котором разворачивается данный революционный процесс? В нашем исследовании мы попытаемся получить ответ на данный вопрос.

Революционный переворот вызывается не только тем, что процент обездоленных в обществе все более возрастает по мере того, как страна запаздывает с модернизацией. Не последнюю роль играет и тот факт, что такая «опоздавшая» страна превращается, в той или иной степени, из субъекта первоначального накопления в объект его: индустриальные страны стремятся превратить ее в колонию или полуколонию. Это вызывает целый ряд последствий.

Во-первых, возможность первоначального накопления за счет внутренних ресурсов страны в значительной степени ограничивается.

Во-вторых, это способствует значительному росту численности лишних рабочих рук.

В-третьих, образуется значительный слой буржуазии, связанной с иностранным экономическим проникновением – компрадорской. Это, как правило, наиболее богатая часть местной буржуазии.

Однако модернизацию могут осуществить и другие силы – в том случае, если именно к ним пе-

¹ Загорский А.В. Япония и Китай: Пути общественного развития в оценке японской историографии. М.: Наука, 1991. С. 27–28. См. также: Smith T.C. "Pre-modern Economic Growth: Japan and the West." *Past & Present* 60.1 (1973): 127–160.

² См., напр.: Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневекового Китая. Екатеринбург, 1999; Он же. О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). Екатеринбург, 2001.

рейдет инициатива в процессе революции, которая начинается в результате кризиса на очередном витке модернизации. И в этом случае на первый план выходит схема, характерная для средневековых европейских городов.

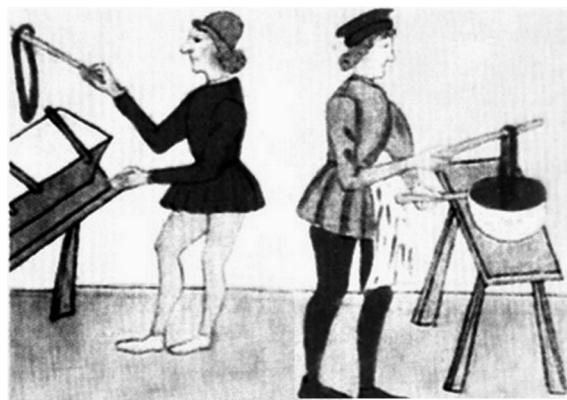
Не стоит удивляться тому, что для городов европейского средневековья была характерна определенная схема развития, сопровождавшаяся восстаниями, переворотами и бескровной, но все же радикальной сменой власти. Влияние извне оказало определенное влияние на эту схему, которая в наиболее «чистом» и завершённом виде проявилась в истории Флоренции времен средних веков и Ренессанса.

Как и почти все города европейского средневековья, Флоренция на первом этапе своего существования находилась в зависимости от феодальных сеньоров, на чьей земле находилась. Однако после смерти в 1115 г. маркграфини Матильды в городе утверждается коммуна – городской муниципалитет республиканского типа.

В XIV в. во Флоренции зародились раннекапиталистические отношения. Население города, однако, в этот период было неоднородно как по имущественному положению, так и по привилегиям. Сами горожане обозначали противостоящие друг другу социальные слои как «жирный народ» и «тощий народ». К наиболее обездоленным горожанам относились «чомпи» – чесальщики шерсти другие наемные рабочие сукнодельческих мануфактур.

Палаццо Цеха шерстянщиков. Флоренция. Начало XIV в.

Окраска сукна (слева) и нитей (справа)
Итальянские книжные миниатюры XIV–XV вв.

В 1293 г. представители «жирного народа» полностью оттеснили от власти знать и ввели в действие конституцию. Правительством Флоренции стала Синьория – совет из девяти человек, семь из которых избирались старшими цехами. Высшим должностным лицом, призванным защищать государство, сделался гонфалоньер справедливости, командующий городским ополчением. Старую знать (магнатов, или грандов, или нобилей) лишили политических прав; она могла их сохранить лишь ценою изменения своей социальной природы; часть их охотно отреклась от титулов и внешне уподобилась народу.

В 1378 г. подняли восстание чомпи, к которым присоединились мелкие ремесленники. Восстание продолжалось в течение лета. Восставшие требовали повышения заработной платы на 50%; предоставление чомпи политических прав, закрепления за чомпи четвертой части мест в правительстве и поста гонфалоньера справедливости, создание цеха чомпи (часть своих требований они смогли воплотить в жизнь: народное ополчение, цех чомпи). Образовалось новое правительство (по три человека от чомпи, от мелких ремесленников, от жирного народа). Отход от восставших мелких ремесленников и предательство вождей привели к поражению движения чомпи.

Восстание Чомпи. Художник Дж.Л. Гаттери.
Вторая половина XIX в.

Еще в период восстания богатое семейство Медичи поддерживало связи с народными массами. Впоследствии это позволило ему использовать поддержку народа на своем пути к высшей власти. Подавление народных движений первоначально привело к установлению олигархического правления рода Альбицци, продолжавшееся до 1434 г.

Однако семейство Медичи упорно ждало и дождалось своего часа. После изгнания популярного в народе Козимо Медичи в городе начались волнения: требование возвращения Козимо поддержали не только его сторонники, но и большая часть населения. Власти были вынуждены уступить. И 5 ноября 1434 г. «Козимо Медичи въезжает в ликующую Флоренцию как государь...»¹.

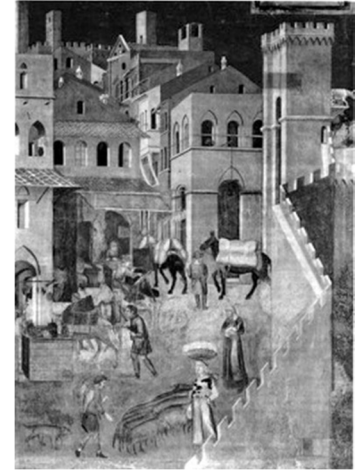
Но что дает это, достаточно лапидарное, описание социальной борьбы во Флоренции, развернувшейся на протяжении средневековья, для понимания революционных процессов, начавшихся в Новое время и продолжающихся в современную эпоху? Как представляется, именно флорентийские события многое дают для такого понимания.

Надо помнить, что революция – это, прежде всего, дело горожан. При том, что революции почти всегда начинаются в странах с преобладающим сельским населением, главной борющейся силой и основными центрами революционных событий являются именно горожане и города. Не все города, но имеющие значительный вес в стране, чаще всего столицы, но нередко также главные экономические центры. Крестьянские восстания, даже так называемые крестьянские войны, даже такие случаи, когда крестьянам удается посадить на престол своего вождя – все это процессы, весьма слабо связанные с революциями, берущими начало в Новое время. Не буржуазия, не пролетариат, тем более не крестьянство – город борется за свое преобладание в будущем обществе. И жители городов борются так, как они привыкли бороться прежде, иными словами, используют прошлый опыт борьбы в иных условиях. Поэтому в схемах большей части революций присутствует эта флорентийская схема.

Но, могут нас спросить, как быть с другими «не-западноевропейскими» городами? Разве мало за пределами Западной Европы городов и более населенных, и сыгравших большую роль в истории?

Дело, мы полагаем, в том, что город Западной Европы, по крайней мере с начала 1 тыс. н.э. – это своеобразный «парламент». Потому и мог он впоследствии задавать тон революционным событиям в своей стране, что его влияние, не только экономическое, не только культурное, но и социальное достаточно далеко распространялось за его пределы. Окрестное крестьянство, конечно, стремилось жить «своим умом», но городские идеи проникали в их среду, как и городские товары. За пределами Западной Европы города таким влиянием не обладали. По крайней мере, пока не появились города-амальгамы, которые стали некоторым подобием западноевропейских городов. Здесь можно вспомнить то, что говорит о роли города как центре мир-экономики Бродель.

Модернизация является глобальным процессом, но в каждой стране она происходит по-своему, давая сбои, которые, чаще всего, и дают начало революциям. Революции, несомненно, имеют национальный характер. В силу этого национального характера субъект революции (класс, политическая сила) не может быть рассматриваем как субъект исторического развития в целом.

Фрагмент фрески А. Лоренцетти «Аллегория доброго изложения правления». 1337–1339

Э. Делакруа. Свобода, ведущая народ. 1830

Б. Кустодиев. Большевик. 1919–1920

Д. Сикейрос. Мексиканская революция. 1957. Фрагмент. С сайта <https://regnum.ru/news/2207473.html>

Модернизация нуждается в предпринимателях. Однако ее обычно сопровождают либо революционные перевороты, либо массовые движения.

В период революционного переворота репрессии со стороны власти, рано или поздно, неизбежны.

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. Л.: Наука, 1973. С. 262.

Для сохранения власти лучше, если репрессии начнутся раньше. Хотя при этом они многим будут казаться необоснованными. Начавшись до полного созревания революционных сил, репрессии могут надолго остановить развитие революции. Если репрессии запоздают, власть может рухнуть, несмотря даже на их широкий размах. Главное здесь – и для власти, и для ее противников – не упустить момент.

Элитные группы, выступающие в качестве субъектов, связаны с партиями, государством, культурой и пр. Связь с государством осуществляется через власть. Связь с партиями – через власть, через идеологию, то и другое вместе. Связь с культурой – через влияние, через идеологию. При становлении субъект создает связи со структурой. Ставший субъект начинает разрушать эти связи, что приводит и к гибели структуры. Если есть система сдержек и противовесов, субъект стремится поместиться в центре этих связей. Обычное развитие – усложнение либо упрощение структур. Централизация же связей происходит в процессе преобразований, имеющих революционный характер.

На народные массы как на главного делателя революций смотрят не только люди, занимающие, как де Местр, враждебную по отношению к революции и к народу позиции. Представители как марксистского, так и немарксистского социализма рассматривают революции именно как дело народных масс, их заслугу, результат их пробуждения от векового сна. Весьма проницательный социалистический историк Ж. Жорес видел в революции движение широких народных масс. Он же одним из первых отметил, что весь объем задач, стоящих перед революцией, не может быть решен в тот узкий отрезок времени, который принято считать ее рамками, и сказал применительно к Франции, что стране для реализации революционных идеалов «понадобилось столетие»¹.

Повторения революционного цикла, характерное для Франции («возвраты монархии, пробуждение республики», о чем говорит Жорес), встречаются далеко не во всех революциях данного типа.

Начиная со второй половины XIX в. интенсивно разрабатывается социальная психология. Массы, народы, социальные группы становятся главными объектами подобных исследований (Э. Канетти, П. Сорокин, Х. Ортега-и-Гассет). Масса обладает, полагает Канетти, четырьмя неотъемлемыми признаками: масса хочет постоянно расти, внутри массы господствует равенство, масса любит плотность, массе нужно направление. Помимо этих черт, присущих массе как таковой, она обладает характеристиками, могущими быть отнесенными и к отдельным людям. Немало встречается людей, неспособных к абстрактному мышлению, масса же неспособна к нему в принципе. А потому в своем поведении она руководствуется стереотипами².

П. Филонов. *Перерождение интеллигента*
(*Перерождение человека*). 1913

Старая демократия была закалена значительной долей либерализма и преклонением перед законом. Служение этим принципам обязывает человека к строгой самодисциплине. Под защитой либеральных принципов и правовых норм меньшинства могли жить и действовать. Демократия и закон были нераздельны. Сегодня же мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение масс тем, что им надоела политика и что они готовы предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше, при либеральной демократии. Но для нынешних дней характерно, что вульгарные,

мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность, причем повсюду... Масса давит все непохожее, особое, личностное, избранное.

В какой-то степени роль противников революции в революционном процессе удалось показать представителям англоязычной школы. Продовольственный вопрос, который, по Сорокину, более всего подталкивает к революции, может быть решен либо путем восстаний, революций, либо в результате давления сверху, со стороны власти, вынуждающей богатых поделиться с бедными. Как результат любого из этих двух сценариев общество трансформируется в сторону огосударствления. Но и в случае поражения революции «приходится усиливать принудительно-реквизиционный аппарат власти, ее вмешательство, регулировку, контроль, учет, централизацию нередко вплоть до полной монополизации всего продовольственного дела в руках правительства. Когда силы порядка оказываются бессиль-

¹ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 6. М.: Прогресс, 1983. С. 442.

² См. подробнее: Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.

ными подавить революционный порыв, революция идет на подъем. Однако в конечном счете силы порядка торжествуют¹.

Позиция Р. Такера характеризуется еще более значительным акцентом на роли элиты и даже отдельных личностей в революции. Для революции (как, впрочем, и для реформы, необходимо наличие соответствующих лидеров. Если последние делают упор на сохранение существующего общества, ограничиваясь лишь устранением определенных его недостатков, то развитие пойдет по пути реформы. Революционные же лидеры, напротив, определяя коллективную ситуацию, приходят к выводу, что она порочна, исправить ее невозможно, поэтому единственным выходом из положения представляется фундаментальное преобразование общества².

Наличие цикличности и повторяемости в революционном процессе пытались объяснить уже современники революций. Ж. де Местр замечал в свое время: энтузиазм и фанатизм – явления преходящие. Натура человеческая быстро утомляется таким болезненным возбуждением; поэтому если даже предположить, что какой-нибудь народ, в особенности французский, способен длительное время чего-либо желать, можно с уверенностью сказать, что желание это будет не слишком пылким.

«Можно, вероятно, спорить, большинство ли за Республику; но так это или не так совершенно не имеет значения: энтузиазм и фанатизм отнюдь не бывают состояниями устойчивыми. Уровень повышенной возбудимости скоро утомляет человеческую натуру; таким образом, даже если предположить, что народ, и особенно французский народ, способен долго желать чего-то, следует быть уверенным по меньшей мере в том, что он не сможет желать долгое время этого со всей страстью»³.

В какой-то степени роль противников революции в революционном процессе удалось показать представителям англоязычной концепции. Продовольственный вопрос, который, по П. Сорокину, более всего подталкивает к революции, может быть решен либо путем восстаний, революций, либо в результате давления сверху, со стороны власти, вынуждающей богатых поделиться с бедными. Как результат любого из этих двух сценариев общество трансформируется в сторону огосударствления. Но и в случае поражения революции приходится усиливать принудительно-реквизиционный аппарат власти, ее вмешательство, регулировку, контроль, учет, централизацию нередко вплоть до полной монополизации всего продовольственного дела в руках правительства. Когда силы порядка оказываются бессильными подавить революционный порыв, революция идет на подъем. Однако в конечном счете силы порядка торжествуют, поскольку они представляют собой итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни⁴.

Для революции (как, впрочем, и для реформы, необходимо наличие соответствующих лидеров. Если последние делают упор на сохранение существующего общества, ограничиваясь лишь устранением определенных его недостатков, то развитие пойдет по пути реформы. Революционные же лидеры, напротив, определяя коллективную ситуацию, приходят к выводу, что она порочна, исправить ее невозможно, поэтому единственным выходом из положения представляется фундаментальное преобразование общества⁵.

Т.Р. Гарр, беря за основу теорию личности, приходит к выводу, что насилие в политике находит основу в повседневной жизни. Он трактует насильственные действия как психологические реакции, как ответ на расхождения между ожиданиями и возможностями их удовлетворения, наконец, как расхождение в оценках индивида между тем, на что он может реально рассчитывать, и тем, чего он считает возможным добиться. Власть стремится минимизировать насилие, диссиденты – максимизировать⁶.

В англоязычной концепции революция выступает как взаимодействие двух субъектов: меньшинства и большинства у Тойнби, государства и народа Сорокина, революционеров и реформаторов у Такера, власти и диссидентов у Гарра (Сорокин, Тойнби, Такер). У Кокса революция выступает как игра, которая также представляет собой взаимодействие разных сил: революционеры играют против тех, кто закончил революцию⁷.

Нам в свое время в двух монографиях и ряде статей удалось показать: для того, чтобы само понятие революции можно было использовать в социологии и социальной философии, следует отказаться

¹ Ортега-и-Гассет Х.А. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 45.

² Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России от Ленина до Горбачева // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 1. С. 47.

³ Местр Ж., де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЕН, 1997. С. 130.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1990. С. 219.

⁵ Такер Р. Указ. соч. С. 45.

⁶ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 72.

⁷ См. подробнее: Cox R.W. "Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory." *Millennium* 10.2 (1981): 126–155; Idem. "Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method." *Millennium* 12.2 (1983): 162–175; Idem. *Approaches to World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

от применения термина «революция» в пользу понятия «революционный процесс». Иначе говоря, революция – это процесс длительный, занимающий целую эпоху. Наш подход ближе всего к англоязычной концепции. В сочетании с данной концепцией он дает возможность сделать и следующий шаг, шаг в направлении типологии революций.

Дело в том, что в распространение революции вначале в Европе, а потом и в странах третьего мира определяющую роль сыграли именно уже упоминавшиеся нами выше супергорода. В конце XIX в. такие города можно было видеть уже на всех континентах в огромном большинстве стран. В них сосредотачивался основной экономический потенциал страны – колонии, полукolonии и не только – и большая часть существующих стране противоречий. Не следует поэтому удивляться: революционные события в городе определяли ход революционных событий во всей стране. Именно это объясняет, на наш взгляд, то обстоятельство, что при всем различии в экономическом, социальном, политическом развитии разных стран (если говорить о стране в целом) типов революции немного – всего три. Итак, город, как в Новое время, так и в XX–XXI вв., определяет ход революции. Но на революционные процессы Нового и последующего времени оказали влияние и социальные движения европейских городов Средневековья и даже античности. Можно даже сказать, что социальная борьба в средневековых европейских городах, не получив завершения в свою эпоху, непосредственно влилась в революционные процессы Нового времени. Освобождение от власти сеньора (коммуна), правление «жирного народа», затем – «тощий народ» у власти, наконец – новый сеньор, из знатных горожан. Во Флоренции и в некоторых других городах Европы эта борьба прошла как бы полный цикл¹, но в большинстве других городов не получила завершения – отчасти из-за возникновения абсолютной монархии. Однако в Новое время и позже эта борьба получила продолжение – на более высоком уровне.

В свою очередь, в Азии и Африке по мере их колонизации европейцами можно наблюдать также определяющую роль городов европейского типа.

По мнению английского колонизатора С. Родса, социальные противоречия в метрополии могли быть достаточно просто разрешены – за счет новых колоний. Более того, полагал он, только таким путем они и могут быть решены, приемлемой альтернативы для такого решения быть не может. Он рассказывал, что, посетив одно из собраний безработных в Лондоне и услышав там требование хлеба, сделал для себя вывод о необходимости новых земель для размещения избыточного населения. Для Англии, полагает Родс, альтернатива выглядит так: либо гражданская война, либо революция².

Отсюда следует, между прочим, что в колонии предстояло переселяться тем именно классам, которые марксисты определяли как антагонистические: предпринимателям – «для приобретения новых областей сбыта товаров»³ и тем, кого сам Родс определяет как «избыточное население», – для того, чтобы прокормиться. Иными словами, социальные противоречия метрополии должны были неизбежно воспроизводиться в колониях. Последнего теоретик и практик колониализма не видит, но в этом – ключ к пониманию того, что будущие революционные процессы в колониях должны будут, в основных чертах, воспроизводить те, что уже начались в Европе.

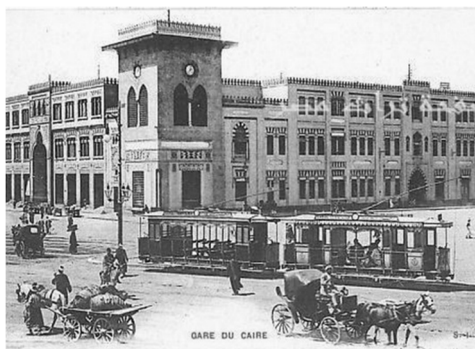
Однако европейцы в массе своей не могли, находясь в колонии, жить в захолустье. Для них нужны были города, которые в состоянии были бы обеспечить им европейский комфорт. Это – как минимум. А максимум в их глазах выглядел как земля обетованная. Отчасти это – прежние столицы, приобретшие новый облик. Отчасти – уже существовавшие торговые центры, также изменившие свой характер. Наконец, это – города, основанные европейцами.

Каир – город, известный еще со времен средневековья; однако городом-амальгамой, «колониальной столицей» он становится только в двадцатом веке. Это было связано с английской оккупацией главного города Египта. Для англичан сделать этот огромный город, населенный арабами, образцовым европейским городом было бы непосильной задачей. Владевшие Египтом англичане к этому и не стремились. Для них было достаточно господствовать и одновременно соблюсти как можно более того европейского комфорта, к которому они привыкли у себя на родине. Этого они смогли добиться.

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 262.

² «Сесиль Роде, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистских идей в 1895 году: "Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами"» (Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собр. соч. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 376; на англ.: Lenin V.I. *Imperialism: The Highest Stage of Capitalism, A Popular Outline*. New York: International Publishers, 1939, p. 79).

³ Ленин В.И. Указ. соч. С. 376.

Вокзал в Каире.
Фрагмент почтовой карточки 1910 г.

Каир 1920-х гг.:
слева – у входа в отель «Континенталь Савой», справа – уличное кафе

Каир. На террасе отеля «Континенталь Савой». Фото конца 1910-х – начала 1920-х

Англичане и вообще европейцы жили в Каире очень комфортно и полагали, что так должно быть и будет всегда. Довольной своим положением здесь могла быть не только колониальная элита, но и те, кого принято называть «офисным планктоном». Обеспечены англичане были очень хорошо. Считалось, что их присутствие способствовало экономическому развитию Египта. Скорее всего, так и было. Но материальное положение англичан в Каире не могло быть оправдано их вкладом в египетскую экономику. Как отмечает Дж. Олдридж, в памяти большинства этих людей Каир остался местом своего рода беспечной и счастливой юности¹. Им принадлежали не только кафе и бары, кинотеатры и бассейны для плавания, спортивные клубы и театры; в этом мягком, теплом и солнечном климате, где большую часть года тепло и солнечно, чудесные пригороды Каира и даже сама пустыня являлись фантастическим обиталищем. Летом, кончая работу в час дня, в самый разгар жары они спали голышом на прохладных простынях, за затененными окнами. В пять часов вечера они появлялись для того, чтобы танцевать, плавать, пить лимонад и лакомиться пирожными в кондитерских. Они заполняли рестораны, кинотеатры, сады, отели, ехали в пустыню или к пирамидам.

Английские туристы в Египте. Фото 1930-х гг.

До появления здесь англичан Каир не был городом-амальгамой. Именно англичане смогли увидеть в Каире землю обетованную и смогли превратить его в некое подобие таковой. Но – лишь для себя. Хотя поскольку это – город-амальгама, в нем происходило своеобразное соединение европейской контрэлиты и формирующейся местной контрэлиты. Получалось в результате некое подобие западноевропейского города с его борьбой политических сил.

В Китае подобную роль играет Шанхай. Треть получаемых страной инвестиций именно в Шанхае дают наибольшую отдачу: здесь – две трети всех заводов и фабрик. Здесь – крупнейшие даже по

¹ См. подробнее: Олдридж Дж. Каир. Биография города. М.: Вече, 2006.

мировым масштабам банки, здесь крупнейшие верфи спускают на воду крупнейшие суда, здесь же – одна из крупнейших в мире электростанций.

Шанхай. Слева – верфи, справа – вид на центр города и башни Международного финансового центра.
 Фото с сайтов <https://ru.depositphotos.com/83519530/stock-photo-shanghai-shipyard.html> и <http://grandengineer.ru/tag/shanhaj/>

И здесь можно видеть противостоящие друг другу порядок и хаос. И здесь город европейского типа. Но здесь уже проявляется то обстоятельство, что Европа – понятие не только географическое, а европеец – вовсе не географическое.

Так и каждый из приехавших в Гонконг, отмечает один из авторов, дающих яркое описание этого города¹, найдет в его архитектуре черты, которые покажутся ему родными. Американец обнаружит здесь знакомые черты Нью-Йорка, англичанин – Лондона, француз – местные Елисейские поля – Натан роуд, китаец – пекинский бульвар Проспект небесного спокойствия – прибрежные магистрали. Казалось бы, многочисленные небоскребы Гонконга, составляющие как бы скелет этого города, должны придавать ему сходство, в наибольшей степени, именно с Нью-Йорком. Однако если небоскребы Нью-Йорка выдержаны в едином стиле, то буквально у каждого гонконгского небоскреба лицо своего хозяина. Хозяева небоскребов – и американский миллиардер, и английский лорд, и шотландский контрабандист, и китайский мандарин, и пакистанский феодал, и японский промышленник, и тайландский государственный деятель – наложили на них свой отпечаток. Строят эти небоскребы наспех, ибо в Гонконг едут не для того, чтобы пустить глубокие корни, а для того, чтобы заработать большие деньги – приезжают нетерпеливые, алчные.

Гонконг. Натан роуд. Фото с сайтов <http://famouswonders.com/nathan-road/> и <http://turbina.ru/guide/aziya-78072/photos/best/page12184/?size=big&sort=rating>

Улицы района Централ – улицы банков, но не только их. Здесь, в центре Гонконга, расположены крупнейшие и самые фешенебельные и самые дорогие магазины. Крупнейшие фирмы всего мира выставляют на этих витринах свой товар. И здесь идеальный город Гонконг, не являясь столицей Китая, выступает как одна из мировых столиц, где происходит соединение европейской и местной контрэлиты. И когда начнется революция, местная контрэлита будет действовать по образцу европейской, а сама революция будет разворачиваться по сценариям социальной борьбы в западноевропейских городах.

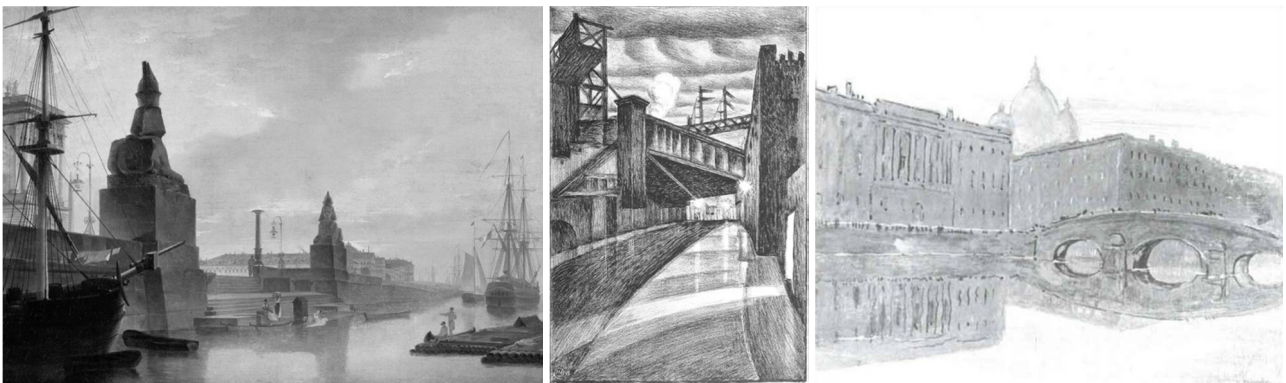
¹ Чекулаева Е. Парус Гонконга [Электронный ресурс] // Вокруг света. 1998. № 4. 1 апр. Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/720/>.

Гонконг, район Централ. Слева – береговая линия, в центре и справа – на улицах района.
 Фото с сайтов https://en.wikipedia.org/wiki/Central,_Hong_Kong, <https://www.colourbox.com/image/central-district-in-hong-kong-image-10224997> и <http://www.alamy.com/stock-photo-china-hong-kong-central-district-trendy-restaurant-shops-in-old-town-75715344.html>

На Руси об идеальных городах стали говорить довольно рано. Так, князь Олег, завоевав Киев, определил этот город как столицу («метрополию» по-гречески; вот что означает фраза «мать городов русских»: город-мать – калька с греческого «метрополия»), рассматривая его в качестве идеального города. Дерзким выглядит проект другого князя, Святослава, сделать столицей Руси город Предславу (Переяславец) на Дунае. Тогда, в эпоху Киевской Руси, проект князя не был реализован. Однако при Петре 1 реализуется проект, гораздо более масштабный.

Санкт-Петербург был выстроен по приказу Петра и может быть охарактеризован как своего рода «противостолица». Представители русской классической литературы не столько живописуют красоту города на Неве, сколько доносят до читателя впечатление некоей неестественности, сверхъестественности, выражаясь современным языком, «виртуальности» всего, что происходит в городе.

Петербург XIX–XX вв.:
 слева – Воробьев М.Н. Набережная Невы у Академии художеств (1835);
 в центре и справа – Добужинский М.В. Городской пейзаж (1915), Петербург. Белые ночи (1929)

Уже в «Ночи перед Рождеством» Гоголь описывает то потрясение, которое испытывает попавший в Санкт-Петербург из малороссийского села кузнец Вакула: огромные дома, столь непохожие на знакомые кузнецу хаты, мосты, шум и грохот непрерывного движения, невероятное количество знати и начальства.

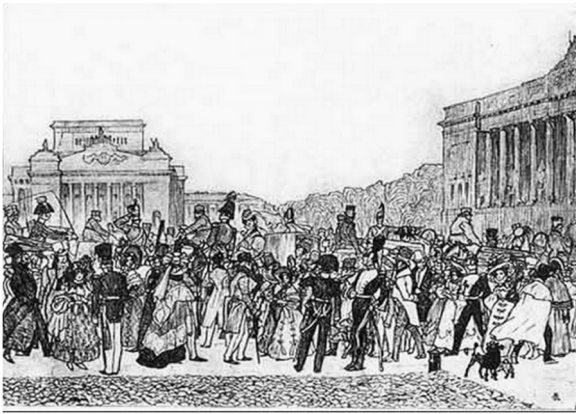
«Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать»¹.

Когда писатель в одноименном рассказе изображает Невский проспект, он делает его символом всего Санкт-Петербурга. Его слова: «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, ... когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде»², – могут быть отнесены ко всей северной столице³.

¹ Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством // Собр. соч.: В 14 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 233.

² Гоголь Н.В. Невский проспект // Собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 46–47.

³ Ср. у В.В. Набокова: «Санкт-Петербург – узорный иней, Ex libris беса, может быть, Но дивный...». (Прим. ред.).

Кардовский Д.Н. Иллюстрации к повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». 1904

Иллюстрации к повести Н.В. Гоголя «Портрет» художников В.И. Комарова, конец XIX – начало XX вв. (слева) и А.И. Кравченко, 1923 (справа)

Призрак Акакия Акакиевича.
Художник Ю. Игнатъев.
1970-е гг. Фото с сайта
[http://domgogolya.ru/newcome/
?ELEMENT_ID=2048](http://domgogolya.ru/newcome/?ELEMENT_ID=2048)

которой Сатана врывается в храм Божий, Синод строго запретил подобные сюжеты) – образы, более яркие, но менее сложные, чем «петербургская нечисть». Последняя незаметно вкрадывается в слабого душой человека, пожирая его изнутри. Так происходит с художником Чертковым и некоторыми другими героями петербургского цикла.

В высшей степени наделенный умением подавать сверхъестественное как реальное, Гоголь остро воспринимает мистику Северной Пальмиры и умело живописует самый ее дух. В одном из самых реалистических своих творений – «Шинели» (весь реализм в русской литературы считается выросшим из нее) – писатель вдруг показывает совершенно невероятную фигуру: грозный призрак слабого и безобидного чиновника Акакия Акакиевича. Призрак выступает здесь в роли мстителя и вполне логично вписывается в сюжет: необходима мистическая фигура, чтобы восстановить поправленную справедливость, ибо на этом свете мстителя за нее нет.

«Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом.

Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца искривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: “А! так вот ты наконец! Наконец я тебя того, поймал за воротник! Твоей-то шинели мне и нужно! Не похлопотал об моей, да еще и распек, – отдавай же теперь свою!” Бедное значительное лицо чуть не умер»¹.

Слово «бунт» неприменимо к образу Акакия Акакиевича, вместо него «бунтует» его призрак.

Другой гоголевский герой, также связанный с Санкт-Петербургом, капитан Копейкин обладает совсем иным характером. Он – офицер, потерявший в бою руку и ногу, способен не только остро переживать свою нужду среди роскоши и соблазнов столицы; для человека его темперамента смирение

¹ Гоголь Н.В. Шинель // Собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 172.

чуждо, напротив того, открытый протест в любой форме является естественной реакцией.

«Бунт поднял такой. Что прикажешь делать с таким чертом? Начальник видит: нужно прибегнуть, относительно так сказать, к мерам строгости»¹.

Высланный за протест из столицы, Копейкин становится вожаком банды разбойников.

Петербург рождает протест – такой вывод можно сделать из произведений Гоголя петербургского цикла. Писатель этого не утверждает, однако он это показывает.

Как идеальный город, Петербург отрицает свое окружение, отрицает остальную страну. Но отрицание, в свою очередь, порождает отрицание. Наиболее радикальное отрицание – нигилизм. Город европейского типа – идеальное место для возникновения нигилизма. Русский нигилизм обязан своим рождением Санкт-Петербургу. Чтобы расстаться с нигилизмом, необходимо уйти из города.

Для С. Есенина Петербург вообще выглядит городом чужим и малопонятным. Но все же ему удастся увидеть определенную закономерность в том, что революционный переворот совершился именно в этом городе: ведь он был проклят теми, кто его строил и заплатил своей жизнью за сказочную роскошь русской столицы. Потом, когда «проклятье исполнилось», можно будет встретить у А. Белого, И. Бунина и других писателей потрясающие описания этой катастрофы.

Ярко представлено у Белого то состояние умов и чувств, которое охватило Петербург после военных неудач в Маньчжурии. Бастуют заводы, пролетарии «превратились в многоречивых субъектов; среди них циркулировал браунинг...». От рабочих окраин волнения распространяются к аристократическому центру, «понижился очень процент проходящих цилиндров», зато появилось множество «противоправительственных мальчишек»².

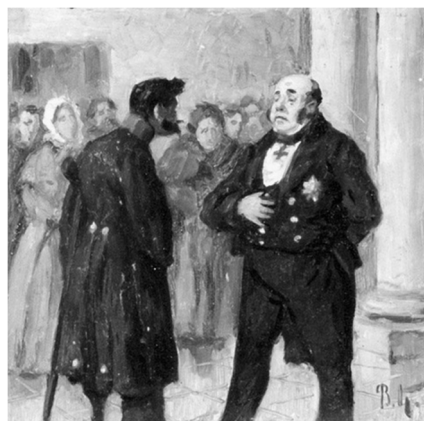
Российская империя родилась в Петербурге, в Петербурге же свершилась ее смерть – так описывает революционные события 1917 г. Бунин. Сам Петербург – дом, в котором случилась великая смерть, – раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев.

Петербург – родина русского нигилизма, города европейского типа других стран – родина европейского и мирового нигилизма. Остальная страна первое время их не поддерживает. Потом начинается революция.

Петербург в России, как Париж во Франции, как Каир в Египте, как Шанхай в Китае, является главным носителем революции.

Первым типом революции, наиболее распространенным, является французский. Нет необходимости проследить подробно все перипетии революционных событий во Франции в конце восемнадцатого века. Отметив лишь, что, приведя к власти буржуазно-либеральные группировки (фейянов, затем жирондистов), они вскоре после этого выводят на авансцену наиболее радикальную группировку – якобинцев, отражающую интересы демократических масс. Тем не менее, в наиболее критические моменты революции находящимся у власти революционерам противостояло большинство нации.

Нет необходимости проследить подробно все перипетии революционных событий во Франции в конце XVIII в. Отметив лишь, что, приведя к власти буржуазно-либеральные группировки (фейянов, затем жирондистов), они вскоре после этого выводят на авансцену наиболее радикальную группировку – якобинцев, отражающую интересы демократических масс. Тем не менее, в наиболее критические моменты революции находящимся у власти революционерам противостояло большинство нации. У революционных вождей и у масс, которые остаются верны их идеалам, в такие моменты были лишь три орудия против множества врагов: организация, энтузиазм и террор. В совокупности, однако,

Комаров В.В. Иллюстрация к «Повести о капитане Копейкине» Н.В. Гоголя. 1902

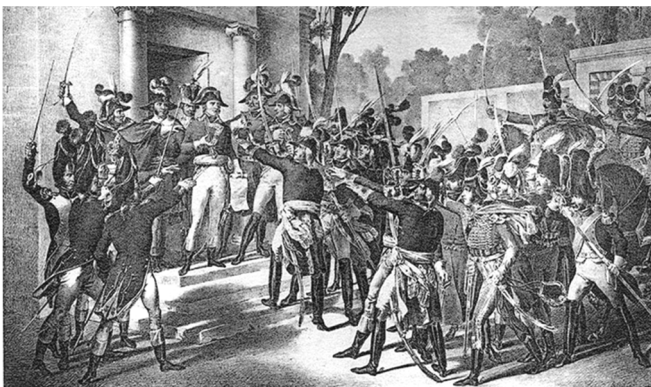
Демонстрация студентов у здания Адмиралтейства в Петербурге. 1905

¹ Гоголь Н.В. Повесть о капитане Копейкине // Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 586.

² Андрей Белый. Петербург. Л.: Наука, 1981. С. 77.

Девятое термидора. Художник Р.-О. Кинси-Монвуазен. Ок. 1840

*18 брюмера 1799 г.
Французская почтовая карточка XIX в.*

*Прибытие Людовика XVIII в Кале в 1814.
Художник Э. Берд. Ок. 1819*

эти три орудия привели не только к победе на внешних фронтах революции, но и к преобразованию самого революционного движения, в результате установления вначале термидорианского, а затем консульского и имперского режимов. Реставрация завершила революционный цикл, создав необходимость в будущем новых его витков. Повторение.

Революции французского типа лишены как чисто английского «пролога», так и специфически американского «эпилога», поэтому основная схема их (переворот – радикальный переворот – «термидор» («брюмер») – реставрационный переворот) может быть применена к большинству процессов. Но – с соответствующими изменениями.

В одних странах не завершён цикл (он может никогда не завершиться); в других он повторяется – даже, иногда, не один раз; в одних присутствует «термидор», в других его место занимает «брюмер», в третьих, как во Франции, революционный процесс включает оба переворота. И все же представляется возможным говорить о существовании единой схемы для большинства стран, испытавших революции. Частные особенности той или иной революции, определяют главным образом характером всех тех сил, которые задействованы в игре. Практически все так называемые «социалистические» революции должны быть отнесены к французскому типу.

Частным случаем французского типа революции следует рассматривать русскую революцию. Согласно Тойнби, между большинством и меньшинством происходит конфликт, на практике принимающий форму обоюдного вызова. При этом большинство становится перед выбором или принять решение общей проблемы, предлагаемое меньшинством, или же довольствоваться ожиданием последствий нерешенных проблем. Если меньшинство, вернувшись, не в состоянии обратить в свою веру большинство, то все движение Ухода-и-Возврата оказывается бесполезным. С другой стороны, если

возвращающееся меньшинство действует эффективно, большинство принимает его идеи, конверсия, через мимесис, может стать столь сильной, что выльется в революцию.

Тойнби является одним из наиболее значительных представителей англоязычной концепции. Для него понятие «революция» по сути является тождественным понятию «революционная эпоха». Эта эпоха началась, полагает он, еще в 1775 г. Суть революции – в возникающем между большинством и меньшинством конфликте, так сказать «обоюдном вызове». И роль большинства в этом конфликте является довольно пассивной. Если меньшинство действует эффективно и большинство принимает его идеи, конверсия через мимесис может стать столь сильной, что выльется в революцию¹.

Гений, построивший «диктатуру пролетариата» на развалинах империи Ивана Грозного и Петра Великого, сам пролетарием не был. Отец Ленина, Илья Ульянов, давший сыну почтенное имя Владимир, был дворянином и государственным чиновником.

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 225.

Краткий перечень вождей внутреннего пролетариата, рекрутированных из рядов правящего меньшинства, возможно, недостаточен, чтобы показать, как политический пророк, не находящий отклика в своей среде, избирает судьбу изгнанника, чтобы вернуться затем спасителем отечества. Следует сказать, что историческое значение подобной фигуры трудно переоценить. Однако мы вряд ли оценим в полной мере истинный характер и достоинства социальных мигрантов, если будем опираться лишь суждения о них их современников, ибо обычным является отрицательное отношение к мигрантам со стороны их собственного сословия, которое смотрит на них как на изменников. Со стороны же их новых товарищей их ждет зачастую непомерное возвеличение и возведение в ранг мучеников. Поэтому, не отказываясь вовсе от исторических свидетельств, мы должны попытаться составить свое собственное мнение¹.

Вестернизация некоторых сторон русской жизни на деле лишь помогала силам, сдерживающим прогресс. Мощные традиционные культурные пласты оказывали сопротивление процессам вестернизации. Петровские реформы были половинчатыми.

Когда конфронтация отсталой России с обществом, которому она столь неудачно пыталась подражать, достигла апогея, была выработана альтернативная политическая модель, причем также западного образца, подчинившая себе русское революционное движение. Марксизм появился как форма западной футуристической критики индустриальной западной жизни, тогда как романтическое направление мысли атаковало индустриализм с архаическими позиций. Русская революция 1917 г. представляла собой сочетание как субъективных, так и объективных факторов. Восстание против царской автократии, как момент субъективный, соединилось с объективной необходимостью пролетарского движения против капитализма. Иными словами, радикальные формы политической оппозиции, выработанные на Западе, проникли в русскую жизнь столь глубоко, что борьба за политические свободы в России вполне может считаться движением западного происхождения. Революция была антизападной только в том смысле, что Запад в определенной мере отождествляется с капитализмом. Однако в любом другом проявлении враждебность по отношению к Западу или какой-либо иной цивилизации отсутствовала. Марксистское учение не признает наличия границ между нациями или между обществами по вертикали, но проводит четкие горизонтальные линии, разделяя общество на классы, которые в свою очередь не знают межнациональных и культурных границ. Подобно историческим высшим религиям, марксизм содержит в себе некоторое вселенское обетование. Коммунистическая Россия была, пожалуй, первой незападной страной, признававшей возможность полного отделения сферы промышленного производства от западной культуры, заменяя ее эффективной социальной идеологией².

Вторым типом революции является англосаксонский. Революционные события на территории нынешних Соединенных Штатов в конце XVIII в. привели к отделению английских колоний в Америке от метрополии. После достижения независимости в рядах восставших шла борьба между буржуазией и рабовладельцами. Принятая в ходе этой борьбы конституция явилась результатом временного компромисса этих сил и предопределила дальнейшие этапы революции³.

Как представляется, наиболее ранним по времени типом революции следует признать англосаксонский. Данный тип имеет свои особенности. Во-первых, он представлен только одной революцией. Во-вторых, эта революция, начавшись в Англии, получила продолжение также и в США. Революция эта имела как свой пролог (английскую Реформацию), так и свой эпилог, в качестве которого можно рассматривать революционные события на территории нынешних США в конце XVIII–XXI вв.

Англосаксонская революция развивалась с минимальным нарушением циклов исторического развития соответствующих стран – Англии и США. Поэтому довольно трудно определить время начала и завершения данной революции. Одно не вызывает сомнения: никогда не могут быть адекватно поняты революционные события в Америке, если их рассматривать отдельно от английских. Только вместе, только как единый революционный цикл. Хотя Тойнби, например, полагает, что до войны английских колоний в Северной Америке за независимость никакой революции не было вообще.

Протестантский проповедник Хью Латимер вручает Библию королю Генриху VIII. Иллюстрация из «Достойных ценностей старой Англии» лорда Г. Броума. 1880-е гг.

¹ Там же. С. 461–462.

² Там же. С. 565–566.

³ Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. С. 388.

Одной из особенностей этой революции было и то, что она с самого начала получила в наследие от прошлого те формы, в которых смогли развиваться и английский либерализм, и американская демократия. Эти формы оказались достаточно прочными, чтобы выдержать испытания и гражданской войной в Англии, и казнью монарха, и диктатурой Кромвеля, и расправой над революционерами, последовавшей после Реставрации. В самой Англии революционные события завершились с введением всеобщего избирательного права. Революционные события на территории нынешних США в конце XVIII в. привели к отделению английских колоний от метрополии. Соперничество в ходе революционной борьбы между либеральным и демократическим крылом революционеров отразилось в самой американской конституции, которая содержит как консервативные, так и демократические моменты. В новый этап активной борьбы страна вступила в 60-х гг. XIX в. Гражданская война, завершившаяся освобождением негров, привела к краху блока рабовладельцев с либеральными кругами американской буржуазии, но новый консенсус, либерально-демократический, сложился далеко не сразу. В общем, можно с большей или меньшей степенью уверенности говорить о завершении в основном революционного процесса как в США, так и в Англии в 30-е гг. XX в. Именно в это время складывается в окончательном виде нынешняя двухпартийная система в обеих странах.

Население североамериканских колоний сформировалось главным образом на линиях убегания. В конце XVIII в. в американских колониях процент желавших перемен людей был выше, чем где-либо в европейской стране. До поры до времени революционное движение здесь сдерживалось тем обстоятельством, что желавшие перемен силы были не просто разъединены, но и разнонаправлены: если одни просто желали независимости, то другие желали социальных перемен. (Подобное состояние можно наблюдать и в современной Америке). Однако ряд ошибок, совершенных британской монархией, способствовал преодолению этого первоначального разъединения, что в дальнейшем было оформлено в виде компромисса.

Однако прежде всего следует обратить внимание на различие в этническом составе переселенцев. Менее чем за столетие население британских колоний в Америке быстро выросло. В 1700 г. общая его численность составляла 250 тыс. человек, а к 1775 г. эта цифра увеличилась в 10 раз. Многие иммигранты не были англичанами. Поэтому королю трудно было добиться лояльности от американских колонистов¹.

Феррис Ж.Л.Ж. Подписание Мейфлауэрского соглашения 1620. 1899

В ноябре 1620 г. на судне «Мэйфлауэр» было заключено соглашение:

«Именем Господа, аминь.

Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные нашего могущественного суверенного государя Якова, Божьей милостью короля Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры и проч. Предприняв во славу Божью – для распространения христианской веры и славы нашего короля и отечества – путешествие с целью основать колонию в северной части Виргинии, настоящим торжественно и взаимно перед лицом Бога объединяемся в гражданский политический организм для поддержания среди нас лучшего порядка и безопасности, а также для достижения вышеуказанных целей; а в силу этого мы создадим и введем такие справедливые и одинаковые для всех законы, ордонансы, акты, установления и административные учреждения, которые в то или иное время будут считаться наиболее подходящими и соответствующими всеобщему благу колонии и которым мы обещаем следовать и подчиняться. В свидетельство чего мы ставим наши имена»².

наковые для всех законы, ордонансы, акты, установления и административные учреждения, которые в то или иное время будут считаться наиболее подходящими и соответствующими всеобщему благу колонии и которым мы обещаем следовать и подчиняться. В свидетельство чего мы ставим наши имена»².

Мэйфлауэрское соглашение «провиденциально» могло обещать лишь «жизнь, свободу, стремление к счастью» (то, о чем буквально говорилось в «Декларации»), для реализации же социальной справедливости нужно было пойти на компромисс.

Подавляющее большинство переселенцев в Америку относилось к преследуемым верованиям. С одной стороны, это католики. К католикам относились почти все переселенцы ирландского происхождения. У себя на родине, на «зеленом острове» они немало вытерпели от англичан, сгонявших их с земли, выселявших из домов, лишавших движимого имущества. Теперь, за океаном, они могли чувствовать себя в безопасности, однако лишь в относительной безопасности. Их преданность монархии Стюартов всегда была более чем сомнительной, новую же династию они откровенно ненавидели. Не больше сим-

¹ Вульф А. Краткая история мира. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 152.

² Цит. по: Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. М.: Наука, 1978. С. 171.

пятий к монархии испытывали переселенцы-протестанты. Если говорить о переселенцах из Соединенного королевства, то наряду с пуританами – главными героями революционных событий 1640-х гг. – они были представлены квакерами, баптистами, евангелистами и другими, еще более радикальными, сектантами. Все перечисленные категории колонистов, как минимум, не испытывали симпатии к английской монархии, большая же их часть изначально любые меры, принимаемые английской короной, склонны были истолковывать резко отрицательно. Кроме того, «многие колонисты не являлись англичанами. Следовательно, лояльность британской монархии для них совершенно не важна»¹.

Метрополия придерживалась меркантилистской политики по отношению к колониям, которая отрицала любую конкуренцию. Колонии, насколько было возможно, нарушали эту политику явочным порядком. Англия не обращала внимание на эти нарушения, поскольку колонии все же обогащали метрополию. Но Семилетняя война обременила метрополию тяжелыми долгами. Представлялось вполне реальным увеличить поступления из колоний еще более за счет введения прямых налогов (до этого налоги были только косвенными). Это явилось толчком к революционным событиям в американских колониях.

Первый Континентальный конгресс потребовал от парламента полной отмены «репрессивных законов». Делегаты также решили, что отныне только колонии имеют право вводить налоги и организовывать местное управление; что в колониях необходимо сформировать отряды ополчения и начать их подготовку. В знак солидарности с Виргинией конгресс призвал к бойкоту всех британских товаров. Также делегаты договорились собраться снова в мае 1775 г. в Филадельфии, Пенсильвания, если их требования не будут выполнены. Примечательно, что конгресс колоний доказал свою способность стать фактически американским правительством.

История потребовала от колонистов применить радикальные средства (войну, революцию). Однако связанный с этими средствами радикальный строй жизни продемонстрировал с самого начала свою нежизнеспособность. Государство радикальное было заменено другим, основанным на компромиссе.

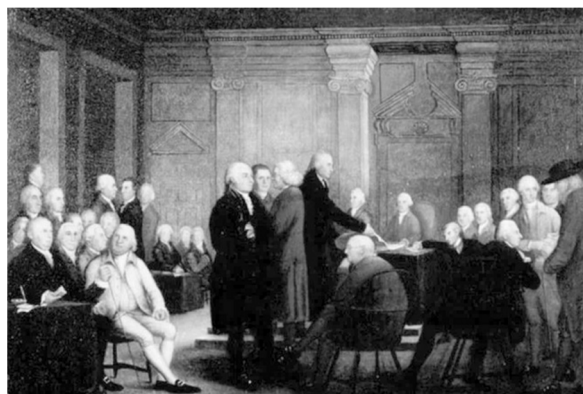
4 июля 1776 г. Второй Континентальный конгресс принял Декларацию независимости. Этот документ провозглашал реализацию утопического проекта. Декларация, в частности, провозглашала:

«Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными»².

Образование независимого государства создало условия для модернизации США. Она происходила как в промышленности (рост индустриального производства), так и в сельском хозяйстве (распространение фермерского земледелия). Для промышленного переворота Штаты созрели уже к началу девятнадцатого века. Однако особенностью развития страны в эту эпоху был крайне неравномерный характер развития экономики. На Севере оно происходило быстро и без помех, однако на Юге серьезным тормозом модернизационных процессов служило наличие рабства и основывавшегося на нем рабовладельческого хозяйства. На судьбы рабовладельческого Юга сильно повлияли рост текстильной промышленности в Великобритании в период промышленного переворота и появление новой товарной культуры – хлопка. Число негров-рабов на Юге увеличилось до 4 млн. чел.

Одновременное развитие двух социальных систем – капиталистического производства на Севере и рабства на Юге – привело в дальнейшем к их столкновению, разрешившемуся революционным путем.

В США каждая территория с населением не менее пятидесяти тысяч человек имела право требовать приема ее в Союз в качестве самостоятельного штата. К 1820 г. в Союзе было двадцать два штата – одиннадцать свободных и одиннадцать рабовладельческих. Но равновесию угрожал новообра-

Первый Континентальный конгресс голосует за независимость. Художник Р.Э. Пайн. 1795–1801

Подписание Декларации независимости. Художник Дж. Трамбулл. 1817–1819

¹ Вульф А. Указ. соч. С. 157.

² Цит. по: Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки. СПб., 1897. С. 335.

зованный штат Миссури. Северяне настаивали, чтобы он был введен как свободный штат, южане требовали, чтобы он был рабовладельческим. В результате достигнутого соглашения на будущее был определен паритет рабовладельческих и свободных штатов.

Этот компромисс получил название Миссурийского и просуществовал до 1854 г., когда был отменен. Каждый штат отныне мог решать по своему усмотрению, быть ему свободным или рабовладельческим.

После провозглашения независимости аболиционисты смогли с помощью Миссурийского компромисса 1820 г. добиться распространения запрета на уже отмененное на Севере рабство на новые штаты Луизианской покупки¹ (за исключением Миссури).

В 1828 г. оформилась Демократическая партия США, объединявшая в начальный период часть плантаторов-рабовладельцев, фермеров и часть буржуазии.

Билль Канзас – Небраска 1854 г. разрешил этим двум штатам решать вопрос о рабстве самостоятельно, и в деле Дреда Скотта 1857 г. Верховный суд постановил, что конгресс оказался неспособным предотвратить распространение рабства на этих территориях. Возмущенные аболиционисты организовали Республиканскую партию, поставившую своей целью уничтожение рабства. А. Линкольн, республиканский кандидат на выборах 1860 г., был противником рабства и его распространения на новые территории. После его избрания семь штатов отделились от Союза, образовав Конфедеративные Штаты Америки и избрав Дж. Дэвиса своим президентом. Четыре оставшихся рабовладельческих штата присоединились к ним после начала Гражданской войны.

В ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. рабство было ликвидировано. В последующий период Реконструкции Юга 1865–1877 гг. борьба шла за завершение здесь прогрессивных преобразований. В результате изменился социальный уклад Юга, был демократически разрешен аграрный вопрос на Западе страны (поселенцам было предоставлено право на получение наделов из земель общественного фонда. В сельском хозяйстве утвердился фермерский путь развития. Однако в период Реконструкции революция шла по нисходящей линии и происходила на суженной базе, локализуясь главным образом на Юге.

Третьим типом революции является латиноамериканский, для которого характерен каудилизм.

«Каудилизм, будучи воплощенным в личность, легко подходил для этой роли. Каудильо могли получить необходимых протекже, обещая своим приверженцам должности и другие награды, когда они, каудильо, придут к власти»².

Эпизод мексиканской революции 1910–1917 гг. Фото 1914 г.

Революция в Бразилии. Фото 1930 г.

Боливийская революция. Фото 1952 г.

Латиноамериканский тип революции распространен не так широко, как французский, но встречается все же достаточно часто, как в пределах своего региона, так и, отчасти, за его границами. Характерной чертой латиноамериканских революций (впрочем чертой, встречающейся нередко и в других регионах, особенно во второй половине XX в.) была связь антитрадиционного революционного процесса с национально-освободительной борьбой. Можно даже сказать, что революционный процесс в этих странах начался именно как антиколониальный. Но в этом, в известной мере, и ключ к пониманию событий в данном регионе на протяжении последних двух веков. Это предопределило тот исторический феномен, что при всем многообразии латиноамериканских переворотов, они носят, так сказать, одномерный характер и, вплоть до последних десятилетий не приводили к установлению демократических и

¹ Луизианская покупка (Louisiana Purchase) – сделка по приобретению Соединёнными Штатами французских владений в Северной Америке в 1803 г. (Прим. ред.).

² Линч Дж. Революции в Испанской Америке. 1808–1826. М.: Прогресс, 1979. С. 356–357.

«социалистических» режимов. В новых государствах остались фактически оккупационные армии, первоначальная цель которых была – выступать в качестве гарантов свободы. Однако постепенно главной их задачей становилось в обеспечении благополучия своего собственного состава. Подобное явление можно обнаружить и в некоторых революциях французского типа. Но там оккупационные армии отражали интересы определенных политических сил. Здесь же нередко они действуют в своих интересах и зачастую даже от своего имени. Иначе говоря, армия в революциях данного типа выступает в качестве самостоятельно субъекта, что не является характерным ни для первого, ни для второго типа революций¹.

Как следствие, вытекающее из сохранения «оккупационных армий» уже после переворотов, освободивших бывшие испанские колонии, следует рассматривать многочисленные перевороты в Латинской Америке в последние два столетия.

Однако Кубинская революция разворачивалась скорее по французскому, чем по латиноамериканскому сценарию².

Освободительная война 1868–1898 гг. завершилась изгнанием испанцев. Их место в формально свободной Кубе заняли американцы. Диктатура Мачадо, свирепствовавшая в 1920-х гг., была свергнута в начале 1930-х в результате так называемого «восстания сержантов». Правительство Грау Сан-Мартина, в котором были представлены радикальные элементы, было свергнуто в 1934 г., после чего фактически правил Батиста, номинально же были другие президенты. Однако в 1952 г. Батиста совершил открытый государственный переворот, отменив конституцию 1940 г. После этого начинается борьба за конституцию, в которую включились, в той или иной степени, практически все политические силы Кубы, однако наиболее значительной была роль левых радикалов во главе с Ф. Кастро.

Куба в то время переживала экономический подъем, активно торгуя сахаром и рудой, а в Гаване не хватало мест в отелях для туристов со всего мира. Страна продолжала мириться с американским диктатом.

Революция на Кубе имеет свои особенности, которые позволяют ее отнести к французскому типу революции. Высадившиеся в конце ноября 1956 г. с борта «Гранмы», революционеры вначале были разбиты. Однако они смогли довольно быстро освоиться в горах. С давних времен горная цепь Сьерра-Маэстра была идеальным плацдармом для партизанской войны: поросшие лесом высоты, труднопроходимые ущелья, пещеры-убежища – для знакомых с этими местами просто одна гигантская крепость. Оттуда началось новое наступление на Батисту.

Эпизоды революционного процесса на Кубе, сверху вниз: свержение диктатуры Х. Мачадо-и-Моралеса (1933); отряд кубинской армии, поддержавший диктатора Батисту, на окраине Санта-Клары (1952); революционеры Ф. Кастро в горах Сьерра-Маэстра (1957)

Фидель Кастро в горах Сьерры. Фото с сайта <http://russianinterest.ru/content/o-fidele-kastro-bez-marksizma>

¹ Там же. С. 362.

² О чем с достоверностью можно будет говорить, если страна пройдет полный цикл, включая стадию реставрационного переворота.

Революционный отряд Ф. Кастро в сельской местности. Фото середины 1950-х гг. с сайта <http://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/comandante-pre-castro-cuba/>

Вступление революционной армии Ф. Кастро в Санта-Клару 31 дек. 1958 г. (наверху) и в Гавану 1 янв. 1959 г.

Крестьяне, которых Кастро считал ресурсом своей будущей армии, были в основном арендаторами у богатых землевладельцев, но зарабатывали больше сезонной работой, кое-как перебиваясь с семьями. Помещики держали на своих землях вооруженных управляющих-майоралей, чтобы те изгоняли и даже убивали бедняков, пытавшихся захватить участки. Майорали были, в сущности, особой полицией, которую ненавидели и боялись. Кровавые стычки и поджоги в сельской местности случались нередко. Майорали вербовали из запуганных крестьян доносчиков и ищеек. Поселенцы объединялись в тайные организации для самообороны. К их лидерам и пришли помощники Кастро, верно рассчитав, что они-то к правительству не питают никакого доверия. Кастро торжественно объявил лидеров организаций своими офицерами, доверив их Кресенсио Пересу, одному из организаторов «Движения 26 июля»¹, командование всеми крестьянами, вставшими на его сторону.

Теперь у отряда были связи с организациями в Сантьяго, Гаване и других городах страны. Активисты и руководители подполья побывали в лагере и обсудили с Кастро дальнейший план действий. Он сумел объединить довольно разнородную группу соратников принять его лидерство и действовать по его программе.

Чтобы поднять дух отряда, Кастро приказал атаковать воинскую часть в деревне Уверо под Сантьяго: в случае удачи повстанцы могли получить выход из гор в долину Орьенте. В конце мая 1957 г. повстанцы разгромили солдат Батисты. Победа в Уверо имела большое значение: новый удар по власти Батисты, показавший, что маленькие дальние гарнизоны – легкая добыча для партизан, стал началом отвода правительственных частей и, соответственно, перехода новых территорий под контроль повстанцев.

В сентябре разгорелась общенациональное восстание поднялись Гавана, Сантьяго, Сьенфuegos, Лас-Вильяс, Эскамбрай. Несмотря на тяжелые

потери среди повстанцев, пошатнулся и режим Батисты. В 1958 г., после масштабного наступления правительственных войск, леса и горы спасли партизан. Довольно быстро армия разделилась, потеряла связь между частями, а партизаны перешли в наступление. Правительственные войска потерпели поражение. Санта-Клара, четвертый город страны, пал, и в тот же день, 1 января 1959 г., Батиста бежал из страны. Спустя еще один день партизанская армия вошла в ликующую Гавану².

* * *

Итак, революция возникает первоначально в рамках европейской цивилизации. Именно в Европе возникла необходимость перехода от традиционного этапа развития к индустриальному и здесь же родилось само орудие этого перехода – революция. Революция развилась из социальных процессов, происходивших в европейских средневековых городах.

¹ «Движение 26 июля» (Movimiento 26 de Julio; M-26-7) – левая революционная организация, созданная (и возглавленная) Ф. Кастро в июле 1953 г. свергнувшая к январю 1959 г. правительство Ф. Батисты. (Прим. ред.).

² Кубатиев А. Че Гевара. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 56–72.

Однако экспансия европейской цивилизации наложила отпечаток и на развитие других. Мы назвали такой тип революции французским.

В странах Нового Света исторические пространство и время воспрепятствовали обычному для французского типа революции сценарию. Так получил продолжение англосаксонский и родился латиноамериканский типы революций.

Предлагаемая нами типология революций, конечно, нуждается еще в определенном совершенствовании. Но уже в первоначальном своем виде она открывает определенные возможности для дальнейшего исследования революционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Белый. Петербург. Л.: Наука, 1981.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992.
4. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
5. Вульф А. Краткая история мира. М.: АСТ, Астрель, 2010.
6. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 14 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940.
7. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938.
8. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
9. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
10. Ершова Г.Г. Древняя Америка. Полет во времени и пространстве. М.: Алетея, 2007.
11. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 6. М.: Прогресс, 1983.
12. Загорский А.В. Япония и Китай: Пути общественного развития в оценке японской историографии. М.: Наука, 1991.
13. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
14. Кубатиев А. Че Гевара. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.
15. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собр. соч. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 299–426.
16. Линч Дж. Революции в Испанской Америке. 1808–1826. М.: Прогресс, 1979.
17. Макиавелли Н. История Флоренции. Л.: Наука, 1973.
18. Местр Ж., де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЕН, 1997.
19. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). Екатеринбург, 2001.
20. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневекового Китая. Екатеринбург, 1999.
21. Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 407–524.
22. Олдридж Дж. Каир. Биография города. М.: Вече, 2006.
23. Ортега-и-Гассет Х.А. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 20–154.
24. Павленко Ю. История мировой цивилизации. К.: Либидь, 2001.
25. Пантин И.К. От буржуазной революции к революции против буржуазии // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 176–185.
26. Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. Брянск, 1998.
27. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. М.: Наука, 1978.
28. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1990.
29. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России от Ленина до Горбачева // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 1. С. 19–47.
30. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
31. Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М.: Терра, Политиздат, 1990.
32. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978.
33. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.
34. Чекулаева Е. Парус Гонконга [Электронный ресурс] // Вокруг света. 1998. № 4. 1 апр. Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/720/>.
35. Cox R.W. *Approaches to World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
36. Cox R.W. "Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method." *Millennium* 12.2 (1983): 162–175.
37. Cox R.W. "Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory." *Millennium* 10.2 (1981): 126–155.
38. Lenin V.I. *Imperialism: The Highest Stage of Capitalism, A Popular Outline*. New York: International Publishers, 1939.
39. Smith T.C. "Pre-modern Economic Growth: Japan and the West." *Past & Present* 60.1 (1973): 127–160.
40. Wittvogel K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Мирошников, О. А. Восточное христианство и социальные преобразования 1917 г. в России: специфика взаимосвязи / О.А. Мирошников // Пространство и Время. — 2017. — № 2-3-4(28-29-30). — С. 21—47. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st2_3_4-28_29_30.2017.12.